

Елена Баевская. В сторону литературного перевода

Марсель Пруст еще на школьной скамье знал, что хочет заниматься литературой, и только литературой, — к неудовольствию родителей, которые желали для своего болезненного сына более спокойной и надежной профессии. С 1892 года (Прусту двадцать один год) он уже вовсю печатается в периодических изданиях, занимается журналистикой, пишет светскую хронику, рецензии, стихи, рассказы, стихотворения в прозе, пастиши; в двадцать четыре начинает писать роман... Но роман брошен на середине, первый сборник, в который вошли юношеские стихи и проза, не разошелся, а все остальное выглядит как-то легковесно: молодому писателю никак не удается найти себя. Но вот он наконец ставит себе серьезную литературную задачу — художественный перевод.

Пруст увлекся книгами английского писателя, критика, искусствоведа Джона Рескина, чья слава гремела по всей Европе, однако к тому времени во Франции большая часть его сочинений оставалась непереуведенной. Интуиция, видимо, уже тогда подсказывала Прусту, что ему понадобятся и эстетическая теория Рескина, и его «трудный» стиль; и в самом деле позже они послужат Прусту фундаментом и строительным материалом для романа. Беда была в том, что он не знал английского: учил только латынь, греческий и немецкий. Но при известном складе ума лучший способ разобраться в книгах на незнакомом языке — перевести их на родной, и Пруст взялся за этот труд. Сначала ему помогала мать: г-жа Пруст была прекрасно образованна и свободно читала по-английски. Затем нашлась еще одна помощница, Мэри Нордлингер, английская кузина его близкого друга, композитора Рейнальдо Ана. Эта девушка взялась готовить для него подстрочники. Нордлингер сообщает, что зимой 1896 года, когда она впервые встретилась с Прустом, тот уже прочел все, что мог найти из Рескина по-французски, и жаждал узнать больше. Настоящая работа над переводом началась в 1899 году. Сперва Пруст перевел и опубликовал «Амьенскую библию» (исследование, содержащее историю собора в Амьене и интерпретацию библейских сюжетов, исполненных в его отделке), затем «Сезам и Лилии» (самое популярное произведение Рескина, представляющее собой тексты двух лекций, прочитанных в Манчестере: «О сокровищах королей» — рассуждение о чтении и «О садах королей» — о женском образовании), снабдив обе книги подробнейшим комментарием и обширными вступительными статьями. В итоге он перевел только две эти книги, но работа над ними не сводилась к литературной обработке чужих подстрочников: стремясь к абсолютному пониманию и абсолютной точности интерпретации, Пруст полностью погрузился в английские оригиналы. Судя по всему, он досконально знал чуть ли не все, написанное Рескином, об этом, в частности, свидетельствуют сделанные им примечания к обоим текстам, изобилующие цитатами из других трудов переводимого автора, которые Пруст тоже дает в собственных переводах. Так, в комментариях к «Сезаму» Пруст ссылается на двадцать пять работ Рескина, а ведь большая часть этих текстов не была в то время переведена на французский.

Что значило быть литературным переводчиком во Франции 1899—1906-х годов? С одной стороны, переводчик имел доступ к самому важному источнику, из которого черпала в тот момент французская литература: к началу 1880-х годов именно переводы новых иностранных авторов — Джордж Элиот, Киплинг, Достоевского, Толстого, Ибсена, Ницше (не только философских его произведений, но и поэтической прозы), Д'Аннунцио — переломили инерцию устоявшегося натурализма (Золя, Гонкуров, Мопассана...) и проложили дорогу новой литературе, декадентской и символистской.

Вместе с тем переводчик оставался существом низшим — литературным чернорабочим. Признание в литературе получали только те, кто от переводов переходил к оригинальному творчеству, как минимум — к эссеистике и критике. Что и понятно: в те времена перевод был занятием куда менее ответственным, чем в наши дни; переводчики приспособлялись к господствующему вкусу и не ломали голову над тонкостями текста, если не могли разобраться в них с налету.

И все-таки по мере того, как возрастал престиж иностранной литературы и перевод постепенно становился профессиональным занятием, в нем наметились два потока — «академический» и «символистский». Если «академики» были архаистами, то «символисты» — новаторами: молодые, начинающие литераторы, как правило, и в переводе искали пути отхода от натурализма, стремились создать «другую» литературу, внимательно работали со словом, придирчиво отбирали тексты.

Во Франции в то время перевод редко выполнялся по инициативе переводчика. Все же иногда одаренным литераторам удавалось убедить издателя в необходимости представить определенного писателя читающей публике. Так произошло с Прустом: он сам выбрал Рескина и, не жалея сил, добивался смыслового и стилистического соответствия перевода подлиннику. В этом отношении он напоминает своего великого предшественника — Бодлера, который переводил стихи и прозу Эдгара По, переводил истоиво и пропагандировал его в критических статьях. Еще одним предшественником Пруста на этом пути был другой его любимый поэт, Малларме, который, как и Бодлер, переводил Эдгара По, а кроме того — прозу своего друга Уистлера, английского художника и эссеиста. К тому же Малларме и об Эдгаре По, и об Уистлере писал статьи и даже стихи. Вот и Пруст написал к обоим своим переводам огромный постраничный комментарий, предпослал им предисловия, в которых уже угадываются очертания романа «В поисках утраченного времени», и посвятил Рескину несколько статей.

На перевод и подготовку к печати двух небольших книг у него ушло семь лет — с 1899-го по 1906 год. Дело замедлялось прежде всего тем, что переводчик уже был в то время тяжело болен — как известно, с детства страдал астмой, — но главное, не зная толком английского, он ни в чем не полагался на помощников и во все вникал сам. Конечно, при таких темпах работы рассчитывать на существенный литературный заработок было невозможно, а ведь Пруст мечтал жить литературным трудом. Семья Пруста была богата, но материально он полностью зависел от родителей, которые не оставляли попыток привить взрослому сыну навыки бережливости (этой похвальной добродетели он так и не усвоил) и подчас весьма деспотически контролировали его расходы. Сегодня трудно вообразить строгость нравов, царивших в добропорядочной буржуазной семье: так, в 1902–1903 годах г-жа Пруст наказывает взрослого сына за неподобающее поведение тем, что велит прислуге не топить у него в комнатах (несмотря на его слабое здоровье) или запрещает ему принимать у себя друзей. В ноябре 1903 года скоропостижно умирает отец, Адриен Пруст, известный врач, профессор медицины; Пруст посвящает его памяти перевод «Амьенской библии», опубликованный в 1904 году. Посвящение это не просто дань памяти отца, оно напоминает попытку оправдаться перед родителями и доказать им, что неудачный сын способен на серьезное интеллектуальное свершение. В следующем году умерла и Жанна Пруст, мать Марселя, настаивавшая на том, чтобы сын не оставлял начатого дела. Но Пруст к этому времени уже разочаровался в нем, ему кажется — и не без оснований, — что перевод не дает ему писать свое, и,

опубликовав весной 1906 года “Сезам и Лилии”, он больше никогда и ничего переводить не будет. “В поисках утраченного времени”, конечно, не автобиографический роман, но Пруст, передавший своему герою собственные черты, сделал его переводчиком Рескина. В уста героя он вложил любопытнейшее рассуждение о сущности литературного перевода:

...Мы воображаем, будто минувшее находится далеко от нас, и наверное, этим-то и объясняется, почему даже великие писатели находили гений и красоту в произведениях посредственных мистификаторов вроде Оссиана. Изумляясь, как это стародавних бардов могли осенять современные мысли, мы приходим в восхищение, если в тексте, который мы считаем древней гэльской песнью, обнаруживается то, что у нашего современника показалось бы просто удачной находкой. От талантливого переводчика требуется только ввести в древнего автора, чьи слова он более или менее точно воспроизводит, какие-то дополнения от себя, которые, будь они подписаны современным именем и опубликованы отдельно, показались бы не более чем симпатичными, — и тут же переводимого поэта осеняет трогательное величие, он словно играет на клавиатуре нескольких столетий. Сам переводчик только и может, что создать книгу, которая показала бы всего лишь посредственной, будь она опубликована как его оригинальное произведение. А представленная в виде перевода, она кажется шедевром.[1]

Логика рассуждений героя романа безупречна: он знает суть вопроса. Его утверждения нелегко опровергнуть, и, пожалуй, многих они надолго лишат охоты баловаться переводами. А между тем подобные мысли могли прийти в голову только искушенному мастеру, который о переводе знает не понаслышке.

Образность прустовского романа основана подчас на знании переводческой техники. Какой переводчик-профессионал не гордится тем, что виртуозно владеет синтаксисом? Однако Пруст развенчивает и это ценное качество (причем опять не от своего имени, а от лица героя), когда описывает герцогиню Германтскую:

Мы уже достаточно описали остроумие герцогини, чтобы стало понятно, что, хотя оно и не имело ничего общего с тонким умом, это все же было настоящее остроумие, умевшее искусно, как переводчик, пользоваться разнообразными формами синтаксиса.[2]

Вряд ли писатель, не отдавший годы жизни переводу, придумал бы такое сравнение!

И все же Пруст, низвергнув литературный перевод с пьедестала, возносит его на новую, недостижимую высоту. Когда писатель задается целью создать великую и правдивую книгу, его труд, по мысли героя, — это, в сущности, перевод:

...чтобы выразить эти впечатления, чтобы написать эту главную книгу, единственную настоящую книгу, великому писателю нужно не сочинить ее, в расхожем смысле слова, потому что ведь эта книга уже существует в каждом из нас, — но перевести. Долг и задача писателя — быть переводчиком.[3]

Мы предлагаем вниманию читателя три письма Марселя Пруста, из которых можно узнать и о его отношении к переводу, и о некоторых этапах и технических аспектах работы, и в какой-то мере — о его дружеских связях и художественных интересах, и, конечно, о всей той смеси дружелюбия и ранимости, гордости и неуверенности в себе, которая была ему присуща. Кроме того, читатель может видеть, как от переводов из Рескина Пруст переходит к “переводам из самого себя”, за которые он возьмется с новой энергией в 1908 году, когда начнет писать “В поисках утраченного времени”. В нашу задачу входило поместить эти три письма в контекст среды и эпохи, поэтому каждый текст сопровождается небольшим комментарием.[4]

1. Константену де Бранковану [Вторая половина января 1903]

Милый друг,

вы знаете, как я вас люблю, и сейчас, когда вы были так добры ко мне и к моим Рескинам, мне бы тем более не хотелось, чтобы вы думали, будто я вас упрекаю; но у меня просто не укладывается в голове, как вы могли, зная, что вот уже четыре года я работаю над переводом “Амьенской библии”, что этот перевод вот-вот будет опубликован, что он стоил мне немало труда и что я придаю ему огромную важность, — не укладывается в голове, как вы могли, зная все это, сказать при Лорисе (да при ком угодно): “В сущности, вы же не знаете английского, там, наверное, полно неточностей”. Я знаю, милый мой Константен, вы это сказали не со зла. Но если бы кто-нибудь меня ненавидел и хотел одним словом уничтожить плоды моего напряженного четырехлетнего труда, которого я не бросал даже когда болел, если бы кто-нибудь хотел, чтобы моего перевода никто не читал, словно его и вовсе не существовало, — разве этот человек мог бы сделать мне больнее? Скажите такое трем людям — и я бы мог не тратить даже одного из тысячи часов (на самом деле много больше!), которых стоил мне этот перевод.

А, по сути, вы знаете, у меня нет привычки переоценивать то, что я делаю, и я не докучаю знакомым своими опусами. Но я думаю, что этот перевод — не в силу моего таланта, которого просто нет, а в силу моей бесконечной добросовестности — будет переводом, каких очень немного, настоящим воссозданием подлинника. Если бы вы знали, что не было ни одного неясного выражения, ни одной темной фразы, по поводу которых бы я не советовался по меньшей мере с десятком английских писателей и не накопил целую пачку писем, вы бы не произнесли слова «неточность». Я углублялся в смысл каждого слова, в значение каждого выражения, устанавливал связь между всеми мыслями и в итоге пришел к такому доскональному знанию текста, что всякий раз, когда я советовался с каким-нибудь англичанином — или французом, безукоризненно знающим английский, — им обычно требовалось не меньше часа, чтобы распознать трудность, и они говорили мне, что я знаю английский лучше англичан. Тут они как раз ошибались. Я не знаю ни слова на разговорном английском и читаю по-английски неважно. Но я четыре года работаю над “Амьенской библией” и знаю ее наизусть; смысл текста мне ясен совершенно, остались только те туманности, которые происходят не от недостаточной нашей зоркости, но от темной и не терпящей упрощения мысли, в которую мы вглядываемся. Про предложений двадцать, не меньше, д’Юмьер говорил мне: “Это невозможно перевести, это по-английски ничего не значит. Я бы на вашем месте это пропустил”. Вооружившись терпением, я даже и там доискался до смысла. И если в моем переводе все-таки встретятся ошибки, то лишь в простых и легких местах, потому что темные я обдумывал, перedelывал, углублял годами.

Говорить о подобном, милый друг, совершенно не в моем характере. Пожалуй, за всю жизнь я ни с кем не говорил о себе так много. Но

меня несколько задела ваша несправедливость, и я слегка испугалась последствий, которые будут иметь для меня ваши слова. Когда увидите Антуана Бибеско, спросите его только одно: хорошо ли я, по его мнению, понимаю текст Рескина. Бибеско часто видел, как я сомневался там, где все ему казалось бесспорным. Выслушав мои объяснения, он в самом деле признавал, что у меня есть причины для сомнений. И видя, как я с помощью скрупулезного анализа эти сомнения преодолевал, он мне говорил: “Я и не думал, что можно так здорово переводить”. Немного смешно, что я ссылаюсь на всех этих людей, но что прикажете делать? Не стану скрывать: если вы попросите у меня попить по-английски, я не пойму вас, потому что английский я учил, когда уже был болен астмой и говорить не мог; я учил язык глазами и не умею ни произносить английские слова, ни понимать их на слух. Я не притязал на знание английского. Я притязал на знание Рескина. А притязаний у меня не так уж много. Может быть, я вас не убедил, и вы по-прежнему думаете, что мой перевод — нагромождение неточностей. Но тогда из дружбы ко мне не говорите этого никому — пускай читатели откроют это сами. Простите мне мою прямооту и не сомневайтесь в моей благодарности и дружбе.

Марсель Пруст.

P. S. Исправленная корректура лежит у моего консьержа. Мне в ней больше нечего менять. Но раз ваш журнал обыкновенно посылает две корректуры, я не прочь держать вторую, хочу убедиться, что исправления были правильно поняты. Говоря “больше нечего менять”, я имею в виду: мне так кажется. Но, разумеется, я изменю все, что вы потребуете. Только опасюсь, как бы мы не упростили Рескина и не ослабили его необычного очарования, превратив его в этакое Мериме.

Комментарий

Князь Константен де Бранкован, отпрыск румынской аристократической семьи, жившей преимущественно в Париже, издавал с 1902 года журнал “Латинский ренессанс”, который вдохновлялся прежде всего творчеством итальянского писателя-декадента Габриэле Д’Аннунцио; само название журнала было полемическим, в противовес изданию французского писателя-символиста Сара Пеладана “Латинский декаданс”. Бранкован привлек Пруста к сотрудничеству, и тот предложил ему часть перевода “Амьенской библии”, которая и была опубликована между 15 февраля и 15 марта 1903 года. Пруст и Бранкован были друзьями, Пруст нередко гостил на вилле Бранкованов в Эвиане; позже между ними наступило некоторое охлаждение, однако Пруст все же отдал в журнал Бранкована предисловие ко второму своему переводу из Рескина, озаглавленное “О чтении” (опубликовано 15 июня 1905-го). Настоящее письмо Пруст написал, дочитывая первую корректуру своего перевода “Амьенской библии” для журнала. В нем есть одно преувеличение: работа над переводом продолжалась на самом деле не четыре года, а чуть больше двух.

Упомянутый в письме граф Жорж де Лорис (1876–1963), автор трех романов, мемуарист, познакомился с Прустом в 1902 году и вскоре стал его другом и поверенным литературных планов. Любопытно, что в предисловии к сборнику писем Пруста де Лорису последний упоминает тот же самый инцидент: “Однажды князь де Бранкован, который в те времена издавал “Латинский ренессанс”, спросил его: “Как вы выходите из положения, Марсель, — вы же не знаете английского?” И в самом деле, Пруст знал по-английски только Рескина, но зато — во всех тонкостях. Доведись ему очутиться в обществе англичан или просто попытаться заказать котлету в ресторане, это было бы для него мучением”. (Marcel Proust. A unami. — Paris: Amiot-Dumont 1948, с. 22). Пруст не зря так рассердился: он знал, что в словах Бранкована есть доля правды, и в его переводе “Амьенской библии” действительно попадают неточности (см. Emile Audra. Ruskin et la France, dans la Revue des Cours et conferences, 27, 15 janvier 1926, с. 281–288). Но существует ли перевод без неточностей?

Кроме того, упомянут виконт Робер д’Юмьер (1868–1915) — друг Пруста, романист, эссеист, драматург, переводчик с английского, открывший французскому читателю Киплинга и Конрада. Пруст часто обращался к нему за помощью и выразил ему благодарность в предисловии к “Амьенской библии”: “Когда я становился в тупик перед трудным языковым оборотом, я шел за советом к великолепному переводчику Киплинга, и он, тонкий знаток английских текстов, доверявший столько же знаниям, сколько интуиции, тут же разрешал мои трудности”.

Наконец, князь Антуан Бибеско (1878–1951) и его младший брат Эмманюэль — соседи Пруста, с которыми он познакомился и подружился в 1899 году. Их мать, княгиня Бибеско, держала литературный салон, где собирались писатели и музыканты. Антуан писал пьесы, к которым Пруст относился одобрительно, но главное — оба брата разделяли интерес Пруста к Рескину и вместе с ним совершали паломничества в места, упоминавшиеся в его книгах. Бибеско состояли в родстве с Бранкованами.

2. Мэри Нордлингер [Воскресенье 17 или 24 апреля 1904]

Милый друг,

спасибо за чудесные цветы-секреты, нынче вечером я из них, по выражению мадам де Севинье, “устроил весну” — безобидную, пресноводную и проточную. Благодаря вам, дальневосточная весна осенила мою черную электрическую комнату. Кроме того, благодарю за прекрасный перевод, я его тщательно проработаю и, если позволите, изменю, но осторожно, со всем надлежащим почтением. И все-таки изменю. Вы говорите по-французски не только лучше француженки, но и просто как француженка. Вы пишете по-французски не только лучше француженки, но и просто как француженка. Но когда вы переводите с английского, проявляется вся первоначальная природа слов, они возвращаются к своему складу, к своему сродству, к правилам, изначально им присущим. И несмотря на все очарование, которое есть в этом английском наряде французских слов или скорее в этом мерцании английских оборотов и английских лиц, прорывающихся сквозь французский свой облик и французское облачение, нужно будет остудить эту жизнь, офранцузить, удалить от оригинала и притушить оригинальность.

Нет, я, конечно, не стану напрашиваться, чтобы Мане и Фантен меня добивали: и так уже меня наполовину прикончили Клуэ и Фуке.

Ваш друг Марсель.

Что такое “жемчужина венецианских четок”?

P. S. (Понедельник) Мое письмо забыли отправить, поэтому добавляю короткий постскрипtum. Боюсь, как бы вы не рассердились, что я

все переводил в «Сезам»; в конце концов я могу оставить все как было у вас, если вам угодно. Но думаю, что вы переводили не по тому изданию, с которым работаю я, потому что все время встречаю несовпадения. Да и многие слова у вас пропущены. Лучше я сам выправлю то, что вы сделали, а потом мы все вместе обсудим. Давеча меня разбудил звонок. Спросонок я не сразу заинтересовался, кто приходил. А когда спросил и узнал, кто это, было уже поздно: вы ушли. Хотя если бы я вас и не упустил, все равно я был не в состоянии с вами увидеться. С тех самых пор все еще не выхожу, но в скором времени отважусь (только не днем, а вечером). С огромным почтением, с огромной дружбой

Марсель Пруст.

Комментарий

Мэри-Луиза Нордлингер познакомилась с Прустом в парижском доме семьи Ан. В Париже она изучала искусство, занималась ваянием, разделяла любовь Пруста к Рескину и была, наряду с г-жой Пруст, его преданной помощницей; причем, если г-жа Пруст могла только поверхностно передать смысл английского текста, Нордлингер была способна проникнуть в идеи Рескина и оказать помощь в их истолковании. О дружбе и сотрудничестве с Прустом она рассказала в своих воспоминаниях, к сожалению, неоконченных; кроме того, в 1942 году она издала сорок одно письмо Пруста, освещающее всю их совместную работу над переводами (*Lettres a une amie*), предпослав изданию предисловие. Пруст вместе с Нордлингер завершили корректурную правку “Амьенской библии” в январе — феврале 1904 года и немедленно начали работу над “Сезамом и Лилиями”; об этом и говорится в настоящем письме.

Японские игрушки, о которых идет речь, Нордлингер прислала в подарок Прусту; позже он описал их в романе: “И как в той игре, которой забавляют себя японцы, окуная в фарфоровый сосуд с водой комочки бумаги, поначалу бесформенные, которые, едва намокнув, расправляются, обретают очертанья, окрашиваются, делаются друг на друга непохожи, превращаются в цветы, в домики, в объемных узнаваемых человечков, так теперь все цветы из нашего сада и из парка г-на Свана, и белые кувшинки на Вивонне, и добрые люди в деревне, и их скромные жилища, и церковь, и весь Комбре с его окрестностями — все это обрело форму и плотность, и все — город и сады — вышло из моей чашки с чаем.”[5]

Письмо написано спустя несколько дней после того, как Пруст вместе с Нордлингер побывали на выставке “Французская живопись 1350–1589 годов”, которая открылась 12 апреля 1904 года в Лувре, в павильоне Марсан. Картины Фуке и Жана Клуэ пользовались на этой выставке особым успехом. А с 13 апреля до конца мая 1904 года в Люксембургском музее проходила выставка французских художников конца XIX века, включавшая упомянутых Прустом Мане и Фантен-Латура.

3. Мэри Нордлингер [Версаль, 7 декабря, 1906, пятница, вечер]

Милая, милая, милая, милая Мэри!

Прежде всего, говорил ли вам Рейнальдо, что я послал письмо, а потом «Сезам» в странное место по странному адресу, где, как я ему и сказал, “Детройт — название города, не правда ли? Авеню — название провинции? Озеро Онтарио — название страны?” Но ответа я так и не получил и понимаю, что ничего не дошло, поскольку вы спрашиваете: “А что ‘Сезам’?” Прилагаю его к этому ответу.

Милый друг, как вы близки моему сердцу и как мало повредил этой близости ваш отъезд! Я всегда вспоминаю о вас с теплотой и неизменной тоской по прошлому. В моей разграбленной жизни, в моем разбитом сердце по-прежнему есть место для нежности к вам.

Милый друг, разрешите сказать в двух словах банальную вещь. Вы потому до сих пор не получили никакого гонорара за «Сезам», что журнал, в котором он был сперва опубликован, прогорает и до сих пор никому не заплатил. А “Меркюр де Франс”, издательство, в котором вышла книга, заплатит, когда разоидется достаточно экземпляров. Если вы пожелаете, чтобы я вам выслал деньги авансом, я сразу же это сделаю без малейших затруднений: вы знаете, что, увы, мне больше не перед кем отчитываться в моих тратах. Вы, как я понимаю, в Манчестере. Я вот уже четыре месяца в Версале. Хотя можно ли сказать, что я в Версале? Приехав сюда, я слег и уже не вставал, ни разу не съездил ни в Шато, ни в Трианон — никуда, и просыпаюсь только поздней ночью, так что понятия не имею, в Версале я или еще где. Я уже собирался вернуться в Париж, однако у меня вышли неприятности с жильем, началось судебное дело, и с октября я снял другую квартиру, но пока не могу в нее въехать. И тем не менее если вы мне напишете в отель «Резервуар», где я сейчас, или на улицу Курсель, 45, где я впал в безысходное отчаяние, видя, что оставаться там невозможно из-за непомерно высокой арендной платы, то любезная консьержка перешлет мне письмо от Мэри сюда или на бульвар Осман, 102, где находится квартира, которую я снял, но в которой до сих пор жить нельзя, — и я получу вашу весточку. Если я буду слишком утомлен и не отвечу, надеюсь, вы меня простите. Но постараюсь ответить. Работаете ли вы? Я — нет. Я навсегда закрыл эру переводов, которые поощряла мама. А на переводы из самого себя больше не отваживаюсь. Видели ли вы в Америке что-нибудь красивое? С какой стати вам вздумалось возвращать мне учебничек? Если бы я выходил из дому в дневное время, я бы хотел посмотреть это египетское и ассирийское искусство, оно мне кажется и впрямь прекрасным. Продает ли г-н Бинг египетские, ассирийские и готические штучки? Как поживают ваши родные? Как поживает тетушка? Поклонитесь ей от меня, она осталась у меня в памяти как один из любопытнейших “камней Венеции”. Ничто не могло смягчить, ничто не могло поколебать ее негибимых принципов. Но до чего она мне нравилась, и как она, судя по всему, вас любит! Она для меня олицетворяет “Утра в Венеции”, и пускай я никогда их не видел, зато ваша тетушка для меня — воплощение “ранней пташки”, женщины, которая не знает, что такое залеживаться в постели по утрам. Я по-прежнему много и постоянно о вас думаю, милый друг, и никогда не перестану. Целую ваши руки с чувством бесконечной дружбы.

Марсель Пруст.

Комментарий

Письмо написано на почтовой бумаге с широкой траурной каймой: незадолго до этого Пруст потерял мать, несколько раньше умер отец. Несмотря на трения, а подчас и серьезные конфликты, о которых говорилось выше, Пруст относился к родителям, особенно к матери, с искренней любовью, и эта потеря была для него ударом, от которого он не сразу оправился. Со смертью матери связана и необходимость переезда, и свобода обращения с деньгами, о чем идет речь дальше.

В том же году завершилась совместная работа над вторым, и последним, переводом, Мэри уехала из Франции, но многое еще нужно обсудить. По просьбе Нордлингер Пруст посылает ее знакомым в Канаду экземпляр книги “Сезам и Лилии”, вышедшей в 1906 году в издательстве “Меркюр де Франс”. Кроме того, не до конца улажены денежные счета между соавторами (по уговору Пруст сам оплачивал труд Нордлингер из гонораров, полученных от издателей). Речь идет о предварительной публикации нескольких отрывков из “Сокровищ королей” (первой части “Сезама и Лилий”) — в марте, апреле и мае 1905 года они появились в журнале “Лез ар де ла ви”. (В майском номере Пруст выразил благодарность Мэри Нордлингер за помощь в переводе.) Главным редактором журнала был писатель и художественный критик Габриель Мурею, поборник новой живописи, ценитель прерафаэлитов и, между прочим, сам переводчик (в его переводе вышел сборник стихов Суинберна); там печатались такие культовые фигуры новой поэзии, как Эмиль Верхарн, Робер де Монтескью.[6] Довольный возможностью пропагандировать Рескина в серьезном эстетическом издании, Пруст не без высокопарности писал Мурею: “Я рад, что в этой родственной атмосфере прекрасные Лилии Рескина, которые я так кощунственно дерзнул пересадить на чужую почву, освоятся и обретут на этой гостеприимной и дружелюбной земле новую, долгую жизнь” (май 1904). Однако журнал испытывал денежные затруднения и с гонорарами не спешил — как, впрочем, и издательство.

“Учебничек”, о котором упоминает Пруст, по свидетельству самой Нордлингер, — учебное пособие Гастона Масперо (1846–1916), знаменитого египтолога.[7] Зигфрид Бинг — коллекционер и торговец предметами искусства, держал в Париже студию “Ар нуво”. С ним сотрудничала Нордлингер.

В конце письма Пруст подводит итог: полоса переводов осталась позади — впереди уже маячит главная книга, но взяться за нее он еще не готов и сомневается в своих силах. Он вспоминает о самом начале работы над переводами, когда в мае 1900 года он специально ездил в Венецию по следам Рескина и осматривал город с Нордлингер и ее теткой. “Камни Венеции” — книга Рескина, которая была у них с собой в поездке и с которой путешественники сверяли свои впечатления от увиденного. “Утра в Венеции” — аллюзия на другую книгу Рескина, “Утра во Флоренции”; Пруст шутит здесь над своим распорядком дня: как известно, он не спал по ночам и засыпал под утро. Однако поездка была трудной, экскурсии сменялись сеансами совместной работы: Пруст и Мэри укрываются от жары в Баптистерии и начерно пишут первые страницы перевода “Амьенской библии”.

Примечания

1 Здесь и далее цитируется в моем переводе по: Marcel Proust. *A la recherche du temps perdu*. Vol. I–IV. - Paris: Gallimard, 1987–1989. - Vol. II, p. 711. (Здесь и далее — прим. перев.)

2 *Op. cit.*, vol. III, p. 86–87.

3 Marcel Proust. *A la recherche du temps perdu*. Vol. IV, p. 469.

4 Пользуюсь случаем, чтобы выразить сердечную благодарность отделу Пруста в Институте текстов и рукописей нового времени (ITEM, Ecole Normale Supérieure, Equipe Proust) за существенную помощь в работе над этой статьей.

5 Marcel Proust. *A la recherche du temps perdu*. Vol. I, p. 47.

6 Граф Робер де Монтескью (1855–1921) — поэт и коллекционер, денди французского декаданса. См. о нем: О. Вайнштейн. Денди: мода, литература, стиль жизни. — М.: НЛО, 2006 (Культура повседневности).

7 *Lectures historiques. Histoire ancienne. Egypte, Assyrie. Au temps de Ramses et d'Assourbanipal*, Hachette, 1890.